

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

DK3
P3
v.22

STANFORD
LIBRARIES

ПАМЯТНИКИ

ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

1882

Digitized by Google

STANFORD
LIBRARIES

DK3
P3
v.22

STANFORD
LIBRARIES

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

1882

Digitized by Google

Апостола Зена (1668—1750), *Сципіона Маффеи* (1675—1755) и *Петра Метастазіо* (1698—1782).

А. Глегевичу пришлось жить сначала въ ту эпоху, когда ему современная литературная Италия раздѣлилась на два лагеря: одинъ предпочиталъ стиль и вкусъ Cavalier Marino стилю и вкусу Петрарки, другой предпочиталъ стиль и вкусъ послѣдняго первому. Первый лагерь преобладалъ: извѣстный современникъ А. Глегевича, итальянскій историкъ Людовикъ-Антонъ Муратори могъ насчитать въ цѣломъ XVII столѣтіи лишь нѣсколько поэтовъ, державшихся стили и вкуса Петрарки, какъ напр.: *Гавріиль Кьябрера* (1552—1637), подражавшій греческимъ лирикамъ и въ особенности Пиндару, графъ *Фульвіо Тести* (1593—1646), подражавшій Горацию и латинскимъ лирикамъ, сенаторъ *Винченцо Филикая* (1642—1707), *Карлъ-Марія Маджи* († 1699) и нѣсколько другихъ. Во второй половинѣ XVII вѣка, съ 1675 года, въ итальянской литературѣ усиливается развитіе критики, которое въ концѣ концовъ одержало побѣду надъ школою дурнаго литературнаго вкуса *маринистовъ*. Въ этотъ же періодъ сдѣлала значительный шагъ впередъ итальянская драма: драма «Мегоре» Сципіона Маффеи признана всѣми достойною театровъ итальянскаго, французскаго и англійскаго. Естественно, это должно было отозваться на чуткомъ ко всему итальянскому Дубровникѣ, который и далъ трехъ поэтовъ, работавшихъ въ духѣ потребностей современнаго имъ вѣка: Шишка Ивана Гундулича, Ивана-Шишка Гундулича и наконецъ Антона Марина Глегевича, который заканчиваетъ собою дубровницкую драму.

Живя въ пору борьбы двухъ литературныхъ направленій въ Италиі, А. Глегевичъ подчинялся вліянію обоихъ. Подъ вліяніемъ *маринистовъ* А. Глегевичъ, нисколько не стѣняясь, въ своихъ драмахъ первой половины своей литературной дѣятельности влагаетъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, нескромныя рѣчи. Правда, эти рѣчи не лишены реального отношенія къ совре-

менному ему дубровницкому обществу, но можно было бы высказать то же самое в другой формѣ, болѣе скромной и болѣе назидательной, чѣмъ какую онъ принялъ, вслѣдствіе господствовавшего въ Италіи вкуса маринистовъ.

При извѣстной наклонности къ этому направленію въ первый періодъ своего развитія, А. Глеговичъ въ тоже время не отказался отъ вкуса Петрарки, или вѣрнѣе будетъ — предпочелъ его во второй періодъ своего развитія: его можно считать послѣдователемъ Петрарки.

Кромѣ того, современная А. Глеговичу Италія страдала анахронизмомъ — (псевдоклассической) академіей «Arcadia», программой коей было возсозданіе въ Италіи всего классическаго (греческаго) міра съ его понятіями, правами и образомъ жизни, и тѣмъ удалить дурной вкусъ, внесенный въ литературу маринистами. И эта болѣзнь Италіи отозвалась на А. Глеговичъ и его предшественникахъ, хотя, правда, не въ особенно сильной степени.

Большую заслугу дубровницкой драмѣ оказалъ А. Глеговичъ со стороны возвышенія внутренняго ея достоинства. Правда, онъ не достигъ здѣсь полнаго совершенства; но важно уже одно его стремленіе: онъ старался дать въ своей драмѣ *преимущество дѣйствію передъ діалогомъ*, къ чему также стремился и Шишко Гундуличъ въ своей драмѣ «Сунчаница». Драма же тогда и бываетъ интересною, когда сюжетъ ся развивается въ *дѣйствіи*, а не излагается въ утомительномъ *діалогѣ* одного лица, которое замѣняетъ собою лицо дѣйствующее и дѣйствіе послѣдняго. Только въ такой драмѣ, гдѣ сюжетъ развивается въ *дѣйствіи*, могутъ быть выражены характеры. Ничего подобнаго нѣтъ въ драмахъ предшественниковъ Глеговича—Юнія Пальмотича и Ивана Гундулича. Совсѣмъ не то видимъ въ драмахъ нашего поэта.

Полныя доказательства всего вышесказаннаго можно найти въ подробномъ разборѣ драмъ изслѣдуемаго поэта, привести которыя въ данномъ случаѣ не дозволяетъ рамка реферата.

Здѣсь я только считаю нужнымъ привести установленный мною хронологическій перечень его произведеній, это:

1. Ermiona,
2. Damira,
3. Olimpia osviesciena,
4. Anton Ghleghievich G. Niku (Giorgi,
5. U smart Vlaha Stelle, 1696 god.
6. Kasce, da je gliuski scivot kratak, da ie niscto sve,
7. Priciza od tikve i bora,
8. Selimir i Radmio,
9. Glasa pobjedovanje,
10. Porodjenje Gospodinovo,
11. Zorrislava и
12. Belizario.

Да затѣмъ сдѣлаю образчикъ обрисовки характера у Глеговича. Беру характеръ Дамиры, героини драмы того же имени.

Оскорбленная Дамира обречена ея вѣроломнымъ и жестокимъ мужемъ на смерть, въ которой она нашла бы конецъ своему страданію; но судьба спасла ее и продолжила ея мучительное страданіе. Очутившись среди убогой хижины вмѣсто роскошнаго дворца, она, вспоминая свое прошлое, съ грустью произноситъ слѣдующія слова:

«Cestita sam ja kragliza
 U bogastvu svakom bila;
 Sad priprosta pastieriza
 Ubosctvo sam prigarlila (etc.)
 Gdi je liepo bitie moje?
 Gdi su moje casti i slave?
 Sad mi uscivat sudieno ie
 Pustosc ove od dubrave».

(Dam., I, 1)

Коснувшись затѣмъ того, что ея мужъ Креонтъ обрекъ ее на смерть, она, спасенная судьбою, съ нѣкоторою гордостью такъ заключаетъ свой монологъ:

«Proch vogli chiu tvoi scivieti!
Nu Damira ne kragliza,
Negh Fidalba sa suegh mrieti,
Potisctena pastiriza».

(ib.)

Уже этими словами она показала свое намѣреніе не дать себя въ полную обиду: «Живу я, ты не можешь вполнѣ насладиться твоею возлюбленною, не можешь сдѣлать ее законной женой!»¹⁾

Находясь въ убогой хижинѣ крестьянина Силлы, она знала, что находится въ державѣ своей и своего оставившаго ее мужа, и потому въ крайнемъ случаѣ готова была обнаружить свое существованіе. Такою мыслию жила Дамира. Выполненію ея намѣренія не замедлилъ представиться случай. Мужъ ея, Креонтъ, въ одинъ прекрасный день забрелъ въ ту же хижину, гдѣ и она пребывала, и за радушный его приѣмъ хозяевами выразилъ свое монаршее желаніе видѣть ихъ, вмѣстѣ съ ихъ дочерью (т.-е. Дамирою-Фидальбою) въ своемъ дворцѣ. Прибытіе ихъ совпало съ приготовленіемъ Креонта къ вѣнчанію своей блудницы Филлиды королевою. Пришедшая во дворецъ подъ именемъ Фидальбы Дамира, естественно, должна была возгорѣть местию къ своему измѣннику и нарушителю закона Креонту и своей соперницѣ; она горитъ местию, но, однако, не воплощеніе мести: среди тяжелаго страданія она готова помириться съ своей судьбой; при приближеніи къ

¹⁾ А. Глеговичъ указалъ на египетскій законъ, который не дозволяетъ имѣть двухъ женъ:

«Ustavi se i na stranu
Uklonise bes osira,
Ne, ne kraglju, negh slotvore!
Od Egipta sakon ki je,
Da darscati smije i more
Iedan cioviek scene dvije?

(Dam. II 8).

Говорить Дамира Креонту.

королевскому дворцу, еще не зная о последнемъ намѣреніи своего мужа, она, между прочимъ, говоритъ:

«Jaoh, ovo ie dvor cestiti:
Gdi kraglievske imah srechie,
Sad chie miesto placno biti
Moga vaia, moie smechie;
Slava i dika moia gdi ie?
Fillide ie bludna otima!
Nije drugo, — trieba mi ie
Poklonit se udesima:
Scto pristoglie kraglievsko ie?
Dar od srechie — drugo nije;
S' privratami vasda stoie
Kolak gniega poghiбие.
Tko ie vechie varh visine,
Tko se u vechioi vidi vlasti,
Vele nisce sred dubine
Svegh se nada, da chie pasti».

(Dam. I, 15)

Она готова допустить свое страданіе, но не оставитъ свою честь и силу закона:

«Ah, prihude moie cesti!
Scto mi ie silla podnositi?
Cini scto hoch, nech smesti:
Ia chiu ista vasda biti».

(Ib. I, 16)

Но, вотъ, проводникъ ея въ королевскихъ залахъ Нерилло указываетъ картину, представляющую ея смерть въ волнахъ рѣки Нила; видъ этотъ раздражаетъ ее и она съ гнѣвомъ говоритъ про себя:

«Ah, slotvora huda i prika!
Ier ie moiu smart scelio,
Da me proscdre plaha rika».

(II, 5)

и затѣмъ прибавляетъ: напрасно!
(Gasno se ie prevario!)

(Ib.).

Затѣмъ, тотъ же Нерилло извѣщаетъ ее, что онъ (Нерилло) всегда съ печалью вспоминаетъ о своей королевѣ (Дамирѣ), между тѣмъ какъ самъ король

Gnie smart igda ne spomene,
Negh veseo dni boravi
Kod Fillide sve gliubiene:
Jer stravien, s' gnie umira;
Segai dana stavno odluci
Us veseglie liepa pira
Da s' gnie desnom svoiu sluci».

(Dam. II, 5)

Вѣсть эта такъ взволновала ее, что она немедленно потребовала отвести ее къ самому королю для открытія нѣкихъ особенно важныхъ дѣлъ. Является она къ Креонту—и что же видитъ? Ея мужъ Креонтъ объясняется въ любви блудницѣ и беретъ ее (законную жену) въ свидѣтели своего обѣщанія:

«Sviedok ona ¹⁾, ma gliubiena,
Bitchie moie liepe cesti».

(II, 8)

Это положительно ставитъ Дамиру на путь мщенія:

(Negh) pakgliena bitchiu siena
Sa veseglie tvoie smesti
Bogh gliuveni
. sarze tve sparscio,
Da osvetit bude mene».

(Ibid.)

¹⁾ Т.-е. Дамира.

ПАМ. ДРВН. ПИСЬМ. XII.

Дамира находится подъ вліяніемъ мести, но еще на степені умѣренной. Съ развитіемъ сюжета возрастаетъ и ея месть: когда Креонтъ готовъ уже дать свою руку Филлидѣ, какъ залогъ супружеской связи, Дамира принимаетъ грозный видъ:

«Ustavi se i na stranu
Ukloni se bes osira,
Ne, ne kragliu, negh slotvore!
Od Egipta sakon ki ie,
Da darscati smiie i more
Jedan cioviek scene dviie

(II, 8)

Когда это не останавливаетъ ихъ, она еще съ большей энергіей произноситъ:

«Ustavtese, scto cinite? (etc.)
Ako bude tva Vedrina
S' gniom desniza sadrusciti
Trieskovi chie s'gar visina
Svi se na te oboriti.

(Ibid.)

и наконецъ объявляетъ, что Дамира жива. Ее заподозрѣваютъ въ умопомѣшательствѣ; а она, покажѣсть, можетъ имъ отвѣтить лишь слѣдующее:

Nu se smiät meni boglie,
Kad me sada ne sluscate;
Smiachiu se ia do voglie,
A vij pod smeh moi igrate.

(Ibid.)

Она говоритъ все это подъ вліяніемъ силы закона, мести къ соперницѣ и своей любви къ Креонту. Но затѣмъ ея любовь къ своему мужу беретъ перевѣсъ, она страдаетъ любовью къ нему:

Plemeniti moj pokoiu!
 Dragă scivotu, scegljo moia!
 Kad chiu uscivat liepos tvoiu
 Sred rasbluda, sred pokoia?
 Ko Teseo mosc veseo
 Sam bes mene bit varh Nila;
 Bes tebe chiu, jaoh, umrieti!
 Ne mori me, vech, ne mori!

(Dam. II, 14)

Она уже не может желать ему зла; но своей соперницѣ она рѣшается во что-бы то ни стало отмитить:

Damira, osvietise!
 Gdi hrabrena tva su diela?
 Od bludnize osvietise,
 Ka ti kraglia ies otiela!
 Tvoia sargba pravedna ie!
 Scto odluci, nemoi sknieti:
 Sliedi, sliedi gnie stupaie,
 Da ioi budesc smart donieti;
 Ne sa drugo sahraniena
 Uredbenoi bih po vlasti,
 Negh bludniza neka strena
 Prid me noghe bude pasti;
 Ona bludnom svom lieposti
 Poras donie momu bichiu;
 Sa gnie plame me scialosti
 Sred gnie karvi utopichiu;
 Kad se ne bih osvetila
 Od gnie svakom po raslogu,
 Podpuno bih ia sabila,
 Tko sam bila, tko bit mogu?!»

(Dam., II, 13)

Правота ея дѣла настолько увѣрять ее въ достиженіи ея своей цѣли, что она смѣхомъ проводить неудавшуюся связь Филлиды съ ея мужемъ Креонтомъ:

*

Ha, ha, ha, ha, smieh ovaki
 Sad vij oba naucite;
 Ha, ha, ha, ha, smi se svaki;
 Illi od mene vech biescite.

(Dam. II, 14)

Подобный смѣхъ ея вполне естественъ: такъ какъ она уже была близко окончательнаго рѣшенія расправиться съ своей соперницей разъ на всегда; среди раздумья, она случайно подходитъ къ кинжалу:

Onijeh srechia vechie krati,
 Kij bes sviesti dni borave,
 Ciuva, brani, sliedi i prati
 I sipglie im ciasti i slave;
 Nu me sarze i odluke
 Sa skarsciti uprav vechie
 Svak cas tesce is sve ruke
 Na me dascdi trudi i smechie;
 Nu varh sarza tuscna moga,
 Sa satart ga uprav vechie,
 Svak cas krila is svoga
 Dascdi vaie, trude i smechie;
 Moij usdasi, moi zvil gliuti,
 Moia boles neisrecena,
 Iosc na milos, jaoh, ganuti
 Nemogu ia, er ie scena;
 Saman s'mnogom mom bolesti
 Hinim, da svies ma sahodi;
 Ona onoga tece sresti,
 Bes sviesti se koj rod:
 Sa bit srechian, potreбно ie
 Nesviesnu se poroditi;
 Ier s' mudriem gnoi trudno ie
 I obchiti i drusciti.
 Nu, scto se ovo meni kasce?
 Guosdie! koie smarti prieti!
 Niesam mogla stvari drasce
 Ni sceglieti, ni vidieti:

Guosdie drago, guosdie milo!
 Nebeska ie koia sila,
 Da Fillidi proghiem krilo,
 Me stupaie na te isnila?
 O nesviesti, poghi od mene!
 A vij sargbe oghgnenite
 Moie sceglie uvrediene
 Na osvete probudite!
 Sarze u plam se moie stvorij
 I odsvud sargbom sdrasceno ie,
 Da bludnizu hudu oborij.
 Stvorij u plam se sarze moie!

(Dam. III, 9).

Вооружившись кинжаломъ, она идетъ дальше и находитъ переодѣтаго въ платье Филлиды Ниграна и готова убить его; но въ ту самую минуту является Креонтъ и удерживаетъ ее. Дамира очутилась въ опасности пострадать отъ гнѣва оставившаго ее мужа, и, желая помочь самой себѣ въ эту опасную минуту, открываетъ свою личность и вступаетъ въ трагическій моментъ; съ кинжаломъ въ рукѣ она говоритъ гнѣвному мужу:

«Ako marsisc iosc na mene,
 Ako slika ma te smeta,
 Zichia iedne bludne scene,
 Ti sam svarsци moia lieta!
 Evo t' ovo guosdia istoga,
 S' kim bludnizu ktieh start priku!
 S' gnim sred sarza smarsi ovoga
 Moiu gliubav — tvoiu sliku!
 U ghgnivu se sad rasgori,
 Da ti ruka iakos stece:
 Scto, uech, karsmasc? iaoh, otvori
 Put moi dusci; neka utece!

(Dam. III, 16).

Это такъ подѣйствовало на Креонта, что онъ немедленно возвращаетъ Дамиръ свою любовь.

Поклонникъ итальянской литературы и итальянскаго направленія въ первомъ періодѣ своей литературной дѣятельности, А. Глегевичъ съ теченіемъ времени во вторую половину своей литературной дѣятельности принимаетъ славянское направленіе, является истолкователемъ и защитникомъ славянскихъ интересовъ. Въ драмѣ «Zogrislava», онъ выставилъ на видъ необходимость объединенія славянъ Босніи, Герцеговины и Далмаціи подъ одною властью; въ неоконченной драмѣ «Belizario» онъ имѣлъ въ виду представить своимъ согражданамъ, какую великую услугу въ дѣлѣ изгнанія готовы изъ Италіи оказали славяне той Италіи, отъ которой они (дубровничане) заимствовали всю свою культуру. И наконецъ, въ «Побѣдномъ голосѣ» (Glasa pobjedovanje), по формѣ напоминающемъ «Il trionfo della fama» итальянскаго поэта Петрарки, онъ вопреки Петраркѣ, причислившему въ своемъ «Il trionfo della fama» славянскихъ героевъ къ римскимъ или греческимъ, съ гордостію возвращаетъ ихъ въ лоно славянское.

Въ этой переиначенной направленія Глегевича нельзя неусматривать отголоска современнаго ему политическаго положенія славянскаго міра.

Дѣятельность русскаго преобразователя Петра I Великаго, посѣщеніе имъ западной Европы, приглашеніе имъ въ старую Русь людей знающихъ, въ числѣ коихъ бывали дубровничане и другіе южные славяне, удачныя войны его съ шведами и турками, доставившія великому русскому преобразователю славу въ цѣлой Европѣ, разъяснили дубровничанскому правительству положеніе славянства и подали надежду на улучшеніе быта падающаго подъ гнетомъ ислама и венеціанской республики славянскаго народа. Дубровничанамъ могъ быть извѣстенъ и планъ русскаго преобразователя относительно переустройства тогдашняго славянства. Состоявшій на русской

службѣ сербъ Михаилъ Милорадовичъ, по волѣ Петра I Великаго, написалъ захолмскому (герцеговинскому) митрополиту Савватию, имѣвшему свою резиденцію въ городѣ Требиннѣ (отстоящемъ отъ города Дубровника на пять часовъ ходьбы, особо посланіе, въ которомъ совѣтуетъ ему поднять возстаніе противъ турокъ; за что въ награду обѣщаетъ, именемъ Петра I, возвратитъ ему дома и магазины въ Требиннѣ и дома въ селѣ Придворцахъ, занятые туркомъ Мустафъ-агою Чатовичемъ. Приводимъ здѣсь это посланіе теперь впервые издаваемое:

Божією Милостією Благочестивейшаго Самодержавнейшаго великаго Господара нашего Царя и пръвѣйшаго христіанска же Императора и монархи россискаго и прочимъ и прочимъ и прочимъ повелителя и великаго кнеза Петра Алексіевича

Пресветлаго Его Царскаго величавства послѣдователни посланикъ Азь Михаилъ Милорадовичъ велики пльковникъ отъ Его Царскаго пресветлаго величавства христіанскихъ войскъ.

Понеже ва знаніе творѣ ва нинѣшнал и потлешнаа времена всакомѣ благочестивомѣ господарѣ и шладателю и прочимъ въ семъ иже вѣдѣтъ владати и господствовати въ земли сръбскен и босанскон и въ захлмскихъ странахъ. Како отъ пресветлаго Его Царскаго величавства мѣ послани есми въ здешніе страни захлмскіе и въ васѣ херцеговинѣ и арванію къ благочестивимъ христіаншмъ, еже швит имъ Царскаго величавства благоизволеніе и намереніе и еже възвѣдати къ шплъченію противъ врага Креста Христова. Темже аще прещедри господь дасть и поведимо враги наше и сѣпостате и въ своводѣ придѣтъ племена христіанскаа съ всакимъ штверженіемъ и своерѣчнимъ и печатнимъ подписшмъ пожалѣю и шдаржемъ прешшвенномѣ митрополитѣ захлмскомѣ, котори несть ш монастыра Требинна къ Саватию и его таинникѣ и свѣтникѣ езархѣ Стефанѣ ермонахѣ такожде постриженникѣ и жителю монастыра на рѣце тревинскон, иже есть шспеніе прѣстіе богородице надаемо и утврждаемо имъ, тако црковнимъ пастиремъ въ градѣ у тревиннѣ кѣе и дѣлане тѣрчина

мѹстафаге ѡатовиѡа, такоѡер и въ селѹ придворцимъ кѹѡе истога реченаго тѹрчина ѡатовиѡа и млине и бащине и винограде све и ливаде и сва его добра, що є имаѡ и дрежаѡ ѹ тревнию и ѹ прочихъ странахъ все даемо митрополитѹ і его ієзархѹ Стефанѹ, котори єсть достоинь и болша помилваніа, понеже вѣлю верѹ и слѹжбѹ къ Его Царскомѹ пресветломѹ нинѡ приказаль єсть. Паки же глаголемь, аще щѹ митрополитѹ скоро дондеть смърть речене кѹѡе и землѡ все да вѹдѹть подъ монастырьѹ ѹспенски нарицаєми тревниѡе за часть щѹ архимандритѹ. Темже молю и глаголю, како да никтоже не имать прекловити ¹⁾ сихъ гашихъ грамотахъ ни въ сіє ни въ последне врежє. Писахмо сію грамотѹ въ всакоє ѹтврѣжєніє и вадаемо є Стефанѹ ієр любивратиѹ ѹ лѣта христа бога нашєго 7157 мѡа іюніа въ г.

Слѹга Его Царскаго величанства
ѡ Михаилѹ Милорадовичѹ
велики полковникѹ.

(по рукописи, хранящейся въ герцеговинскомъ монастырьѹ, называемомъ «Саввина»).

Намъ неизвѣстно, чѣмъ вся эта исторія кончилась; но имѣемъ данныя, свидѣтельствующія о значительной популярности Петра I Великаго въ мѣстности сосѣдней съ г. Дубровникомъ. Въ сербскомъ православномъ монастырьѹ «Саввина», что близъ Ерцего-Новаго (Кастель-Ново) и «Дубровника» находится портретъ Петра I Великаго (представляющій его въ молодомъ возрастѹ). съ подписью: «Госѹдарь Царь и великий князь Александръ всємъ великимъ и малимъ и бѣлимъ Росии

¹⁾ Sic.

повелитель». Несомнѣнно, портретъ этотъ занесенъ сюда въ эпоху славныхъ дѣлъ славянскаго преобразователя. Въ томъ же монастырѣ хранится нѣсколько богослужебныхъ книгъ, русскаго изданія, времени Петра I, и въ числѣ ихъ: «Слѣжба благодарственнаѣ Бгѣ въ трѣци стѣи славимомѣ о великой Бгѣмѣ дарованной повѣдѣ на свѣйскимѣ королямѣ кароломѣ вѣ и воинствомѣ его, содѣвиной под полтавою, въ лѣтѣ 1709. мѣца іюліа въ кѣ день». Въ ней полагавшіе надежду на Русь южные славяне пѣли, напр. слѣдующій тропарь: «Препрославленъ єси Господи Бже ншз, даровавый крѣпость на враги благовѣрномѣ црю ншѣмѣ Петрѣ, тако же Двѣ на прегордаго голаѣа, осѣнилъ єси наѣ главою его въ днѣ врани, препожсавъ єси немощнымѣ силою свыше, и тѣми всю дерзоеть вражію низложилъ єси, многомлостиве, слава тебѣ;» *) или, напр., слѣдующую стихирѣ: «Врагъ Крѣта стѣаго, ажехрѣстїаннїи и вжественнїи икѣборецъ и посмѣатѣ, силою Крѣта стѣаго повѣжденъ вьсть и порѣгѣ, и не надѣвѣ на милѣть и помощь Всесїнаго, его же чѣ въ іконѣ повреди къ ненавистникѣ имене Хрѣтова махометаннѣ и скиѣа повѣже, крѣтоносный же црѣ православный Руссїйскїи стѣи іконѣ поборникъ повѣдителю пѣснь Богѣ воспѣваѣи да цѣтвѣетъ и торжествѣетъ во вѣки **)». Этими вѣрнымъ и надежнымъ путемъ утверждалась надежда угнетенныхъ южныхъ славянъ на ихъ освобожденіе отъ чужеземнаго гнета силою Великаго Русскаго Царя, съ которымъ, естественно, соединялась мысль и о новой роли славянства въ мїрѣ. Дубровникъ, единственный представитель просвѣщенїя между южнымъ славянствомъ не приминулъ развивать этотъ новый вопросъ и въ литературѣ. А. Глеговичъ нашелся въ числѣ другихъ своихъ современниковъ и соотечественниковъ, касавшихся этого вопроса. Его соотечественники составляли оды нашему Петру I Великому. Такъ, дубровницкїи фратеръ Степанъ Русичъ составилъ 1717 г. похваль-

*) Стр. 6.

**) На литїи стихирѣ, гласъ А
пам. древн. писъм. хлї.

ную оду, подъ заглавіемъ «Petar Alechssiovich, alliti Petnos slamegna, diella i cesti Petra parvoga, Zarra, Samodarsgza Rusinskoga», которая дышетъ полнымъ уваженіемъ къ великому русскому преобразователю, какъ посланному самимъ небомъ и напередъ предсказанному священнымъ писаніемъ. Въ имени Петра Алексѣевича, въ суммѣ чиселъ буквъ, изъ коихъ оно слагается, онъ усматриваетъ это его таинственное значеніе, что и излагаетъ въ своемъ посвященіи Петру I. Вотъ, что, между прочимъ, онъ пишетъ въ этомъ посвященіи: «Если гдѣ, такъ именно въ твоемъ, о высокій Царь, многоуважаемомъ названіи имя соотвѣтствуетъ натурѣ (paravi), что мы вполнѣ видимъ; по греческому прекрасному и правому языку «Петръ Алексѣевичъ» значитъ, что твое Величество камень, твердая стѣна отражающая самыхъ сильныхъ противниковъ, побѣждаетъ самыхъ сильныхъ королей и служить неодолимою обороною и непобѣдимымъ щитомъ неисчислимымъ твоимъ королевствамъ и всему твоему Сѣверному Русскому Царству. Но въ то же время, это твое прекрасное имя содержитъ не менѣ чудныя знаменія въ числѣ, изъ коего оно сложено. Я изъ числоваго соединенія и соотвѣтствія постараюсь обнародовать то, что относится къ твоей крѣпости, достоинству и всей твоей прошедшей и будущей дѣятельности, стараясь такимъ образомъ показать, что примѣры твоего счастья и великая твоя слава, *которой теперь весь свѣтъ удивляется (со страхомъ) и восхваляетъ ее до небесъ* ¹⁹⁾ еще въ твоемъ родѣ, въ твоемъ

¹⁹⁾ Французскій поэтъ М. Ф. А. Вольтеръ (1694—1778) написалъ исторію Петра I Великаго, въ которой по достоинству хвалитъ русскаго преобразователя. Въ журналѣ издаваемомъ Апостоломъ Зепомъ и Маффея, Русичъ, Глеговичъ и другіе ихъ современники—соотечественники могли прочесть про Петра I слѣдующую интересную замѣтку: «In Mosca, ed in altre parti dell'Imperio Moscovitico non mai da vantaggio fiorirono le scienze e le buone arti, come in questi ultimi tempi, non tanto pel beneficio della stampa, che molto più di prima vi si è diffusa, quanto par l'attenzione, anzi per l'esempio del suo medesimo Sovrano Pietro Alessio vitz in og-

знаменитомъ имени были счастливо сохранены. Прежде всего, пусть всякому будетъ очевидно, что нѣкая особенная судьба дѣйствовала въ нарѣченіи тебѣ этого имени и что еще въ дѣтствѣ ты былъ принять славою, вскормленъ крѣпостью, увеселяемъ побѣдами и нѣжимъ добрымъ счастьемъ.

Итакъ, пусть удостоится твоего царскаго взгляда этотъ мой—не хочу сказать трудъ—приличный твоему невыразимому и сверхъестественному превосходству даръ, который я посвящаю тебѣ съ Адриатическаго моря, изъ дубровницкой области. Итакъ, допусти, чтобы между неисчислимыми похвалами, которые безпрестанно отовсюду оглашаютъ твою царскую корону, и мои пѣсни—дань твоему Величеству были слышаны тобою и милостиво приняты.

Затѣмъ, да дастъ небо тебѣ до вѣковѣчной старости постоянное увеличеніе Царства, счастья и побѣдъ, до тѣхъ поръ пока при свѣтѣ, величіи и знатности твоей славы и могущества *весь свѣтъ будетъ занятъ тобою* и не въ состояніи будетъ онъ дать тебѣ полной хвалы; такъ какъ, вслѣдствіе твоего достоинства и высоты, не находится подъ солнцемъ никого, кто бы восхвалялъ тебя подобающими хвалами, ты найдешь своего прославителя въ самомъ Все-

gi regnante. Non e già, che molto tempo innanzi no n vi sia stata portata l'arte di stampare i libri e che altri de' suoi (Monarchi non abbiano procurato la cultura e la disciplina della loro Corte e del loro Imperio: ma gravi e politiche cause si opposero all' avanzamento di così retta intenzione (etc).

Si stampano in Mosca continuamente libri nella lingua del paese. Fra i libri impresi in quella lingua mettiamo in primo luogo la traduzione dei libri spettanti a i cinque ordini di Architettura di Jacopo Barozzi da Vignola, fatta nella sua lingua dallo stesso S. D. Pietro, atampata e ristampata in Mosca l'anno 1708 con 46 figure in rame. La prima edizione é in foglio; la seconda in ottavo.—L'anno medesimo e nella medesima lingua ivi pure è stato stampato in bella carta ed in buon carattere un Trattato del modo di render navigabili fiumi, il quale fu prima scritto in Italiano e stampato in Roma nel 1685, a fine di restituire a Roma la navigazione del Tevere» (Giornale de' letterati d'Italia t. IV, 1710 годъ, стр. 418—420).

вышнемъ, Который, въ награду за сокрушеніе его злодѣевъ и распространеніе правой вѣры, введетъ тебя, цвѣтъ и корону высочайшихъ королей, чудный образецъ силы, власти, разсудительности, правды и счастья, увѣнчаннаго славнымъ неувядающимъ вѣнкомъ въ небесные дворы. Поэтому сердечно молю Владыку Рая, чтобы онъ подтвердилъ мое предсказаніе. (Слѣдуетъ подпись).

Сдѣлавъ затѣмъ, обращеніе къ читателю, въ которомъ изложено таинственное значеніе имени *Петра Алексѣевича* онъ помѣщаетъ слѣдующій аверстихъ, выражающій суть «оды» Петру:

Їorod oda slavnieh
 Ёvvo Vites cestiti,
 Їvvarghia uspieta!
 Vлannima svuda sviti,
 Їesi isglede svijeh.

Vh jasna kreposti,
 Їiuvenni svim isglede!
 Їtto kascesc tvoie diedde:
 Їrunnisc sadosti!
 Svesko rasuchie,
 Їstocna scibika,
 Osmanovichiaa usda.
 Visc gniega moch i dika!
 Їsbauglien *) ti po tebbi;
 Їiuchien pod nebbi».

Составитель «оды» Петру, братеръ Русичъ представляетъ себѣ исполненіе русскимъ народомъ, руководимымъ его Царемъ, великой задачи въ славянскомъ мирѣ и скорбять, что кратковременность человѣческой жизни не даетъ ему видѣть воочию выполненія этой задачи:

*) Въ рукописи стоятъ „isbauglien“.

«Rusko sunze sini, sini
 U vedrinah od Istoka;
 Dan da svanne u millini
 S' rumenilla tvoga oka.
 Alli tko chie menni datti,
 Prigisdave tej lieposti
 Da usbudem usgivati
 I ia opchiene sred radosti?
 Da unuka pricestita
 Tvoga sarza i imenna
 Vidim diella plemenita
 Od svakoga pohvagliena?
 Ah stotine dvije godina
 Scto mi dano nije sgivieti?
 I iosc mallo! dragha cina
 Vidio bih sve na svieti»;
 Sve, sve, velim, vidio bih
 U pokoju duha moga:
 Er dobiti usgivo bih
 Kraglievichia Rossinskoga;
 On odreggien na stò slavni,
 Ko nam sviesde, ko sibilla,
 Ko prorozi vele davni,
 Prostretichie svoia krila.
 I-u sapadu Rimsko ime
 Cim na svacje ghinne occi;
 Usletietchie prid svoime
 Na cesarstvo od Istocci;
 Ugledatchie sviet sve krunne
 Prid noghah mu sniscne stati;
 I s' slavnosti tai ispunne
 Svako miesto samnievati.
 Ovo, o Petre, da nu nechie
 Cesti sa inno dopastiti
 Tvoga unuka, negho er chie
 Tvom se slavom posctapiti,

Er stupain tvojem hode;
 Tvoi um, tvoi sviet i tva dika
 Bitchie svake sred prigode
 Gniemu sakon i scibika.
 Sato piesan ma klikuje,
 Cim dosadar gniegga glasi
 I radostno spomignuje,
 Da scibika istocna si!

(Petar Alechs. slam. II — по ркп. францисканской библиотеки въ гор. Дубровникѣ).

И далѣе;

«O visoki slavni Zarre!
 Podlosgnieh tebbi u broiu,
 Etto, i ia grem sadare
 Poklonit ti gliubav moiu».
 (ib. sl. 15).

Свою увѣренность, что выполнение этой задачи наступитъ, онъ основываетъ на стойкости русскаго народа:

«Russku stavnos da slavite,
 Stavnos, koia vik ne venne»!
 (ib. slam. 3).
 (Ciem) ne samo Petar slavni,
 Negh Petrovo imme u vike
 Slomitichie pukisdavni
 I sve satart protivnike.
 (ibid.).

Другой современникъ А. Глеговича *Игнатій Градичъ* (раньше Русича) составилъ 1710 г. похвальную оду Петру I Великому «Plam Sieverski», по случаю его побѣды подъ Полтавою.

Изъ предпосланнаго «одѣ» обращенія къ своему соотечественнику Саввѣ Владиславичу, состоявшему на службѣ у Петра I видно, что русскій преобразователь не отказывался пользоваться дружбою Дубровника. Вотъ, что онъ, между прочимъ, писалъ: «Въ современное намъ время и въ Дубровникъ—мой родной городъ прилетѣлъ изъ Сѣвера радостный голосъ о славныхъ дѣлахъ Московскаго царя; я тотчасъ (послѣ полученія этой вѣсти) рѣшился, по мѣрѣ своихъ силъ, огласить въ пѣсни дѣла такого Величества всякой славянской державѣ. Выполнивъ это, какъ только я зналъ лучше, я не остаюсь довольнымъ, при мысли, что эта моя пѣснь никогда не достигнетъ надлежащаго склада, если премилостивое око этого Величества не взглянетъ на него. Но мое желаніе, чтобы она удостоилась такой милости. Я не былъ въ Дубровникѣ *), когда мое особенное и великое счастье привело тебя, (Пресвѣтлый и Превысокій Господарь (т. е. Владиславичъ), въ этотъ городъ. Прежде твоего прибытія изъ Москвы въ мою родину, я никогда тебя не видѣлъ; тѣмъ не менѣе полагаясь на твою доброту и твое значеніе (что господинъ лахъ Бучичъ, мой пріятель—словно братъ, господинъ Францискъ Градичъ, мой родной братъ и господинъ Иванъ Тудишевичъ, мой внукъ (по сестрѣ) часто говорили со мною о тебѣ съ великимъ уваженіемъ и съ великими похвалами, представляя мнѣ твою собственную крѣпость, природное совершенство, ради которыхъ Величество Московскаго царя украсило тебя особенными благородными почестями), я обращаюсь къ тебѣ съ просьбою приподнести Величеству Московскаго Царя Петра I мою пѣснь».

Этого своего любимца (Московскаго Царя Петра I) онъ ставитъ выше всѣхъ существовавшихъ и существующихъ въ его время царей; онъ восхваляетъ его между прочимъ, такъ:

*) Въ подлинникѣ это мѣсто темпо изложено; буквальный переводъ его «я не вѣдѣю пути».

«On krepostim desne svoie
 Sve Moskovske vedre Zarre
 Nadaleko priteko ie
 Rimske i slavne sve Cessare.
 Gliudska mudros, dake, niedna
 I besieda snanne glave
 Sadovoglit nie vriedna
 Dostoianstvu take slave,
 Slave, koia u svietlosti
 Sve cetiri strane svieta
 Slicna raiskoi cestitosti
 Na sunciannom kollu oblieta,
 Trubgliom tere plemenitom
 Svuda, scto me sarze sgeli;
 A s' pohvallom pricestitom
 Bes pristanka glasi i veli:
 «Sgivi slavni zarre u vieke,
 Sgivi, neka rastu vechie
 Tve kriposti prive-like
 I cestite tvoie srechie!
 Nestorova sgivi litta,
 Svegh dobitnik, nigda u vaiu,
 Cini diella tva cestita,
 Da dotusce tnrskom smaiu;
 Neviernike pali i siezi,
 Koi marse pravu istinu;
 Cin, da svoie karvi u riezi
 Sadusce se i poghinu.
 Sgivi i cini, hoggia kleti
 Da s' munara, vech, nevika,
 Da se oborre sui mecetti
 Karstianskoga protivnika!
 Pravoviernu cias obrani
 I gniu is robstva oslobodi,
 Nek se vechma rasprostranni
 I krepostim tvom rasplodi!

Sgivi srechian, cestit, slavan,
 O Moskovski vedri zarre!
 Bog ie udielit tebbi spravan
 Viekuviecne ciasti i dare!
 Nek na svietu i u raju
 Slavno budesc stollovati,
 I blasgeni ko sivaju,
 Sc gnima pored budesc siatti».

(рпк. франц. дубров. библ.).

А нѣсколько выше (въ той же одѣ) онъ о Петрѣ I выражается такимъ образомъ:

«Er Moskovska mudra slava
 Sviem se umie hitro oprieti,
 I Petrova zarska glava
 Svakoi silli odoglieti» ¹⁾.

(ibid.),

Двѣ вышеупомянутыя оды Петру I современниковъ А. Глегевица служатъ подтвержденіемъ, что и онъ составилъ свой «Побѣдный Голосъ», подъ вліяніемъ распространившейся между южными славянами надежды на улучшеніе положенія славянскаго народа. Сверхъ того, онъ какъ добрый гражданинъ, заботящійся о славѣ своего роднаго города, не упустилъ изъ виду сдѣлать напоминаніе, что его соотечественники, пользующіяся свободнымъ положеніемъ, должны оказать свое участіе въ этомъ улучшеніи положенія Славянъ. Указавъ на добрыя качества славянскаго племени:

¹⁾ Чрезвычайно рѣзкій контрастъ этимъ строкамъ представляютъ строки, касающіяся Поляковъ:

(er) Pogliacke
 Sve darsgiave stahu u smechi,
 Ni desnize bi iunacke
 Vriedne opriet se toj nesrechi».

(Plam. Sjev. (ib.)).

когда говорятъ о возведеніи Шведскимъ королемъ Карломъ XII на полпрестолъ Станислава, вмѣсто Августа.

Пам. древн. писъм. XIII.

•Mi ¹⁾ smo drusba plemenita,
 Plod slovinske ljepe strane,
 Priko svega slavni svita
 Kros kriposti nasce isbrane.
 Nam su od slave usrok bile
 Bistra pamet, boina ruka,
 Vedra pomoch, srechie mile,
 Vriedno sarze, krepka odluka;
 A nad sve ino glas neumarli,
 Ki ciovieka vriedna cini,
 Da s' hrabrenom misli harli,
 Gdi nije stana nochnoj tmini.
 Kros iunacko boino arvagne
 Mi sliedismo krepos pravu,
 A kreposno dielovagne
 Nami donie viechu slavu. etc.
 Er se krepos nasca ukasa
 U orusciu od svieh iaccia,
 Nechaiuch se od porasa
 Osetrieh sabagl silnieh macia;
 Niedne od sile, niedne od vlasti
 Neimasmu viku straha,
 Ni nas mosce vik pripasti
 Tascta srechia, ni start plaha etc.
 Mij sa istinu slavu stiechi,
 Nesctediesmo nasce karvi;
 Krepzi u boiu, snani u srechi,
 Na sve trude vasda parvi;
 Tim se pravo dice i resi
 Nam slovinska semglia rodna;
 Ka bi s' nami pod nebesi
 Slavna, mirna i slobodna,

¹⁾ Т. е. Славяне.

Sad ie plesciu lavi i smije,
 Otrovnoga puni ijeda;
 I ciovieka u gnoi nije,
 Da se u krepos nascu isgleda
 (ibid.).

Указавъ затѣмъ на свободное положеніе своего Дубровника, онъ въ концѣ обращается къ нему съ требованіемъ потрудиться на общую (славянскую) пользу:

Ziech kreposti dobra obchiena
 I sa viku ne umriti,
 Boina diela i hrabrena
 Sliede gliudi plemeniti;
 Nu neumarlo dobit ime
 Cioviek ne mosce, ki ne trudi.
 (ibid.).

Реформаторъ въ дубровницкой драмѣ, толкователь славянской идеи въ смыслѣ объединенія славянъ, А. Глегевичъ не можетъ не занять самое видное мѣсто въ ряду дубровницкихъ поэтовъ.

IX
I
IX
IX
IX
I